

O. Palij, CSc., associate professor
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv

THE PROBLEM OF EMIGRATION IN THE ARTISTIC WORKS (ON THE EXAMPLE OF NOVELS BY MILAN KUNDERA)

On the example of novels of the famous Czech-French author Milan Kundera, artistic view of the problem of relationship of the writer-emigrant with his motherland is described in the article.

Key words: emigration, writer, novel, self-identification.

УДК 882. 09 – (043.3)+82.08(043.3)

Т. Рахуба, канд. филол. наук, доцент
БрГТУ, Брест, Беларусь

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ПОЭМ («ЕГОРУШКА», «ПЕВИЦА», «АВТОБУС») М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье исследуются жанровые особенности незавершенных поэм М. Цветаевой. Тексты поэм «Егорушка», «Певница», «Автобус» позволяют частично реконструировать сюжеты и систему художественных образов, а также выявить композиционные и стилистические особенности и некоторые аспекты жанровой специфики данных произведений.

Ключевые слова: типы поэм, жанры, сюжеты, мотивы, стиль, формы.

Жанровое своеобразие литературной ситуации XX века проявляется не только в синтезе художественных форм, но и в разработке таких из них, которые в контексте индивидуального творчества обретают черты первостепенного жанра. С помощью определенной жанровой формы поэты задают конкретное направление своим творческим поискам.

В наследии М. Цветаевой поэма занимает центральное место. Она сама объясняла свое влечение к большой форме: « из лирического стихотворения я выхожу разбитой», « в большую вещь вживаешься» (1, т.1, 445).

Развитие жанра поэмы в творчестве Цветаевой охватывает двадцатилетний период, в котором есть своеобразные поэмы перерывы: 1914-1918, 1923, 1930-1935годы. В творчестве М. Цветаевой осуществляется движение от лирической формы поэмы к эпической, проходя через этапы драматизации и эпизации поэмы.

Незавершенные поэмы Цветаевой «Егорушка», «Певница», «Автобус» по времени написания относятся к позднему периоду ее творчества.

Поэма «Егорушка» была написана еще в январе-феврале 1921 г., но в 1928 году Марина Цветаева провела доработку уже созданных глав (в рукописи есть пропуски целых строф и строк, а также зачеркнутые выражения). В отличие от стихотворных набросков и фрагментов, оставшихся от неосуществленных замыслов («Несбывшаяся поэма»; не-

сколько стрóf («Поэмы о Сергее Есенине») тексты «Егорушки», «Певицы», «Автобуса» позволяют частично реконструировать сюжеты и систему художественных образов, а также выявить композиционные и стилистические особенности. На этом основании представляется возможным указать и на некоторые аспекты жанровой специфики данных произведений.

Сюжет объемная из незавершенных поэм – поэма «Егорушка». Поэма состоит из четырех больших глав («Младенчество», «Пастушество», «Купечество», «Серафим-град») и незавершенной – пятой («Соколиная слободка»).

Сюжет содержит четкую установку на жизнеописание, действие концентрируется вокруг главного героя, который оказывается у Цветаевой не столько покровителем и волчьим пастырем, сколько русским удалым богатырем. Необыкновенная физическая сила Егорушки обозначена уже в первой главе: герой еще во младенчестве все колыбельки разломал (последняя – железная), а в три года вместе с собратом-волчком сокрушал любые препятствия («Где эти прошли: словно вражья рать: вовек уж лесам не встать») [1, т.3, 692]. Вскормленный, как Ромул, волчицей, Егорушка – не совсем человек, и потому его нравственные качества подвергаются испытаниям, он обуздывает свою жадность и отказывается от добычи райских яблок, потрясенный слезинкой ребенка, защищает ягненка от стаи волков; не соблазняется, став приказчиком, деньгами, а раздает весь товар нищим и обездоленным. Нарушая запрет и подвергая себя опасности, герой и в «нерусской стороне» (Серафим-град) оборачивается на зов о помощи («Нет для меня величья, Коль кто на помощь кличет») [1, т.3, 733]. По мысли автора, Егорушка должен был очутиться в ближайшем от земли круге, увидеть там «бывших и будущих (1918-19-20-21 г.)» [1, т.3, 734], то есть белых рыцарей, попытаться защитить их, затем одержать победу над Змеем, Злым Царем, новыми соблазнами и сохранить Голубиную книгу судеб. Цветаевский герой действует не ради личного счастья, а ради общего блага. Подвиги его обретают национально-историческое значение. Изображая деревенский быт, купцов, мещан, ремесленников, Цветаева настаивает на восприятии деяний героя как достоверных, а не вымышленных. Первые три главы связаны между собой подобно былинам об одном и том же богатыре: каждая имеет свой зачин и повествует об отдельном эпизоде из жизни крестьянского сына Егория, об очередной его победе и удаче. Некоторое отступление от этого композиционного принципа в конце 3-й и начале 4-й глав нарушило структурное единство произведения, и, по-видимому, стало одной из причин перерыва в работе над поэмой.

Мотив «иногo царства» (Серафим-града и Соколиной слободки) уводил цветаевского героя все дальше от земных подвигов и забот, а автора поэмы – от былинного повествования до «дoвременной Руси». Судя по плану, Егорий постепенно должен был отгесниться образом Елисаветы (хранительницы книги судеб), фольклорный вариант истории уступил бы место сказочным, аллегорическим картинам социальных потрясений начала 20-го века. Изменился бы и характер соблазнов: Егория соблазняли бы «купецкой кровушкой» (река), чином есаула и гамана (разбойник). В продолжении поэмы Цветаева собиралась указать и на то, что Елисавета читает в книге судеб «о белых и красных и об освобождении» [1, т.3, 35]. Вряд ли это намерение могло осуществиться в 1928 г. – в рамках сказочного сюжета. В последней главе звучат уже трагические ноты: Егор узнает от мастеровых московской жизни правнуков – о войнах, сражениях, смертях, о снятых с

церквей колоколах. Факты действительности вплетаются в событийную основу произведения, фольклорная специфика утрачивает свое значение, и в 1928 г. Цветаева оставляет «Егорушку» в связи с замыслом поэм на историческую тему.

Стиль первых, наиболее полных глав незавершенного произведения сохраняет некоторые признаки былинного стиля. Начальным строкам частей свойственна напевная интонация:

Обронил орел залетный – перышко.

Родился на свет Егорий – свет – Егорушка. [1, т.3, 688]

Композиционные повторы ситуаций, отдельных слов, реплик использованы не с целью усиления занимательности сюжета, а с целью выделения какой-либо черты главного героя (физической силы, решительности, доброты). Текст насыщен фольклорными образами (месяц ясный, звезды частые, зеленый лужок, море синее, метель косматая, заря широкая), сравнениями («То не ветер расшумелся над ветлами вспоминает молода орла залетного» [1, т.3, 689]), олицетворениями и гиперболами. Прием обозначения времени в «Егорушке» аналогичен былинному:

Еще раз сбывлась заря. Господень промысел,

Поднялся Егор с волком на промысел [1, т.3, 693].

Ощутимо в произведении и авторское любование героем, исключительность последнего оговаривается как примета русского героического характера. Центральная композиционная роль богатыря Егория, общезначимость его поступков, установка на достоверность изображаемых событий, некоторые особенности стиля позволяют увидеть моменты вполне определенного взаимодействия поэмы и фольклорного жанра – былины. Само же возвращение Цветаевой к данному произведению в 1928 г. подтверждает ориентацию поэта на лиро-эпические формы творчества.

Движением к объективно-повествовательной разновидности поэмы обусловлено и жанровое своеобразие таких незавершенных поэтических произведений 30-х годов, как «Певица» и «Автобус». В их основу положены конкретные ситуации, реальные эпизоды. История любви двух очень разных людей вдохновила Цветаеву на создание романтической стихотворной новеллы «Певица», в которой необычность обстоятельств и оригинальность действующих лиц способствуют быстрому развертыванию сюжетной линии. Вслед за описанием «мало домашнего» дома (1-й фрагмент) и представлением героев (2-й, 3-й) события начинают развиваться довольно быстро – они внутренне устремляются к какому-то острому конфликту и неожиданному разрешению – развязке. Определить причину и вариант конфликта, найти кульминацию Цветаевой не удалось, по-видимому, в связи с тем, что ситуация, которой она воспользовалась для произведения, в действительности сложилась как благополучная, а не трагедийная. Кроме того, роль не участвующего в событиях повествователя при наличии очень близкого авторскому «я» образа певички рождала определенные противоречия. Была отброшена часть материала, позволяющая установить слишком явную связь между автором поэмы и героиней и воспринять последнюю как лирический символ, знак души (отрывок, характеризующий само пение). И одновременно Цветаева отказалась от создания объективированного портрета, подчеркнув в прямом обращении к читателю, что внешний облик певички не имеет значения:

Я знаю: вида читатель ждет.
Читатель, прости за смелость!
Условившись, что и нос и рот,
Все, все у нее имелось -
Не хуже нашего, это «все»
Смахнем, как с подушки волос,
Зачем певицьино нам лицо,
Раз вся она только голос [1, т.3, 751]

Заключительные строки напоминают концовку стихотворения «Есть счастливы и счастливы...» (1934 г.): «Ибо раз голос тебе, поэт, Дан, остальное – взято» [1, т. 2, 324].

В письме к А.А. Тесковой (30 сентября 1935 г.) Цветаева заявляет, что ее поэма – «о певице: себе» [1, т. 6, 429]. Такое осмысление уже созданных пяти фрагментов свидетельствует о том, что в дальнейшем автор сосредоточился бы на образе певицы, возможно, заменил бы эпически-объективное повествование на лирическое и «освободился бы» от интересных романтических героев – необыкновенной старухи (в душе – молодой) и ее красивого внука – грузчика, влюбившегося в певицу. В последней главке Цветаева действительно лишает героя активной роли, называя его «ведомым» и намекая на всю его дальнейшую судьбу:

Если ж, позже, дочь его
Именем ее звалась
Это только в память часа
Полного < ... > [1, т. 3, 752]

В то же время выстраивать некое действие на лирической основе и соединять его с существующими звеньями сюжета было для Цветаевой противоестественно в момент работы над исторической «Поэмой о Царской Семье». Попытка рассказать о событиях вне личных оценок и пристрастий не удалась поэту так же, как не удался бы, очевидно, и роман, требующий от автора особой отстраненности. Однако определенная композиционная четкость «Певицы», наличие в ней лаконичных художественных описаний, интенсивное развитие событий, стремление Цветаевой запечатлеть объективную художественную ситуацию и объективных персонажей, ясность лексики и синтаксиса подчеркивают новеллистический характер поэмы.

В отличие от «Певицы», «Автобус» представляет собой повествование от первого лица, причем это повествование автобиографично. Наряду с эпическими моментами в произведении есть лирические и драматические: выявлено зерно несостоявшегося конфликта – нравственная, этическая позиция героини. Цветаева работала над поэмой долго, отвлекаясь от нее и возвращаясь к ней в течение двух лет (с апреля 1934 по июнь 1936 г.). Тем не менее в сохранившихся частях обозначилось лишь содержание экспозиции и завязки. Путешествие за город, радость от общения с природой и расхождение героини с героем из-за слов, сказанных последним о дереве: «Как цветная капуста под соусом белым!» [1, т.3, 756]. Начало поэмы носит очерковый характер, это описание автобусной тряски, людей-пассажиров, их общего состояния оживления и веселья. Поддавшись веселому настроению, героиня душой и мыслями возвращается в юность и оптимистически воспринимает поездку как путешествие не только за город, но и «за календарь».

Ощущение молодости, гармонии с миром природы становится главным мотивом поведения героини, которая как будто излечивается от суеты, тяжелых дум, обид, забывает о возрасте и обретает веру в возможность духовного союза с юным спутником, о котором все же вскользь замечает: «тонок в поясе, а сердцем толст» [1, т.3, 755]. Предметы, выделяемые автором в загородном пейзаже, играют роль символических указателей: ворота, ведущие «не к ферме и не к замку», а «к счастью»; колодец, знающий о том, что «сильные потоки сверх рта и мимо рук идут!» [1, т.3, 756] и, наконец, цветущее дерево-облако, защита которого от «гастрономической» оценки выливается в гневный монолог героини. Завершая этот монолог (на нем поэма обрывается), автор отказывается назвать героя:

Ты, который так царственно мог бы любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!)
-Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево мщу. [1, т.3, 757]

После таких резких слов вернуться к тому ощущению восторга и молодости, которое Цветаева собиралась сделать лейтмотивом произведения, было довольно затруднительно: частный эпизод перерастал в драму души, требующую динамичного воплощения. Яркость художественных сравнений в сочетании со строгостью, определенностью поэтического языка, воспоминания и размышления, придающие лирический характер рассказу об отнюдь не оригинальном жизненном случае, обличительная интонация – все эти особенности обозначают новый, оставшийся незавершенным этап в поэжном творчестве Цветаевой, ее новое восхождение к синтетическому типу поэмы. Развивая повествовательные возможности жанра, Цветаева в 30-е годы во многом ориентировалась на путь, прочерченный Б.Пастернаком, – путь компромисса поэтических и прозаических жанров на уровне предмета и способа изображения, на уровне композиции и стиля.

Прозаизация поэмы как художественная тенденция по-разному проявила себя в творчестве В.Хлебникова, Б.Пастернака, М.Цветаевой, И.Сельвинского, но в целом она обозначила угасание жанра.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Цветаева Марина Ивановна. Собр. соч. : в 7 т. / М. И. Цветаева. – М., 1995.

Стаття надійшла до редакції 17.07.13

Т. Рахуба, канд. філол. наук, доцент
БрГТУ, Брест

ЖАНРОВІ ОСОБЛИВОСТІ НЕЗАВЕРШЕНИХ ПОЕМ («ЕГОРУШКА», «ПЕВИЦА», «АВТОБУС») М. ЦВЕТАЄВОЇ

У статті досліджуються жанрові особливості незавершених поем М. Цветаєвої. Тексти поем «Егорушка», «Певіца», «Автобус» дозволяють частково реконструювати сюжети і систему художніх образів, а також виявити композиційні і стилістичні особливості і деякі аспекти жанрової специфіки даних творів

Ключові слова: типи поем, жанри, сюжети, мотиви, стиль, форми.

T. Rahuba, docent,
Brest state university, Brest

GENRE PECULIARITIES OF M. TSVETAYVA'S UNFINISHED POEMS "YEGORUSKA", "PEVITSY", "AVTOBUS"

The article examines genre peculiarities of M. Tsvetayva's unfinished poems. The contents of the poems "Yegoruska", "Pevitsy", "Avtobus" allow to partially reconstruct the plots and the system of artistic images, and also to reveal the peculiarities of composition and style and certain aspects of genre specificity of the given works.

Key words: types of poems, genres, motifs, form.

УДК 8.82.0

И. Подавылова, ассистент

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

СТРУКТУРА РОМАНА ЛЕОНИДА ГИРШОВИЧА ««ВИЙ», ВОКАЛЬНЫЙ ЦИКЛ ШУБЕРТА НА СЛОВА ГОГОЛЯ»

Целью данной статьи является анализ романа Леонида Гиришовича ««Вий», вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя» в сопоставлении с литературой о Холокосте и концлагерях.

Ключевые слова: роман, структура, проблематика Холокоста и концлагерей, мифологема, постмодернизм.

Литература XX века демонстрирует тенденцию к унификации повествовательных форм, что обусловлено информационным перенасыщением культурного пространства и дискретностью современного типа мышления. Используя в качестве сюжетной основы данные общемирового масштаба и общемировой известности, такие, например, как события Второй мировой войны, автор предполагает, что у читателя уже есть некоторое представление о произошедшем. В таком случае нет необходимости описывать всю полноту процесса, достаточно упомянуть отдельный эпизод, прибегнув к «обобщениям второго порядка» – «исходя из того, что уже доказано реалистической литературой во всех особенных случаях» [1: 451]. Иначе говоря, материал исторической действительности сворачивается до универсалий мифологеми.

Мифологические черты приобретает и комплекс ситуаций, связанных с проблематикой Холокоста и концлагерей. В романах об этих явлениях художественная действительность основывается на реальных исторических фактах, сами события могут описываться напрямую, или же присутствовать на уровне интертекста. Многообразие сюжетов, в таком случае, компенсируются однотипностью центрального персонажа – человека-жертвы перед лицом непреодолимых обстоятельств.

Комплекс понятий «геноцид», «гетто», «Бабий Яр» появляется лишь на «изнанке» романа Л. Гиришовича ««Вий», Вокальный цикл Шуберта на слова Гоголя» (2005). Но,